

1. Васильев А. В. Преемственность и разрывы в истории понятия «гений (дух) времени» в сочинениях западноевропейских авторов XVII — первой половины XVIII в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 363. С. 82–84.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
3. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М. : Прогресс, 1992. 576 с.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. В. В. Библихина // Кафедра философии Ульянов. гос. техн. ун-та : [сайт].

УДК 130.2

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-20-23

ТЕКСТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматриваются истоки становления мировоззренческой метафоры «мир как текст» в философии герметизма. В герметическом учении природа слова рассматривается как плодотворная, действенная, творческая. Мир не только творится Словом, но и может быть «прочитан» как текст, в котором открывается высшая истина. Анализ сочинений герметического корпуса позволяет выделить мироздающую, гносеологическую и магическую функцию Слова. Делается вывод о влиянии идей герметического учения на христианскую культуру, в частности на становление концепции «двух книг» и символическое толкование природы.

Ключевые слова: философия герметизма, Гермес, текст, слово, мир как текст, символ.

Человечество выработало за долгий срок своего существования множество способов и механизмов описания, интерпретации и моделирования мира в культуре. Эти механизмы описания в философских и культурологических исследованиях называются мировоззренческими метафорами. Таковы, например, фундаментальные мироописательные метафоры «мир-часы», «мир-машина», «мир-организм», «мир-сцена», «мир-игра» [1]. В современной культуре все более популярной становится метафора мира как текста. Это можно объяснить повсеместным закреплением письменной культуры, стремительным развитием информационного общества. XX в. характеризуется лингвистическим поворотом в философии: язык, слово, знак, текст, символ становятся объектами рассмотрения таких направлений, как философия языка, герменевтика, семиотика, структурализм и т. д. Их объединяет максимально широкое толкование понятия «текст». Текстом является все, из чего могут быть генерированы значения — слова, образы, звуки, жесты, вещи, природные явления. Весь окружающий нас мир может рассматриваться вообще как совокупность знаков, текстов.

URL: http://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (дата обращения: 15.07.2017).

6. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.
9. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М. : Стройиздат, 1985. 136 с.

© Довгаленко Н. В., 2019

*Н. Г. Зенец, О. М. Кордас
N. G. Zenets, O. M. Kordas*

TEXTUAL WORLD VIEW IN A HERMETIC PHILOSOPHY

The origins of the formation of the worldview metaphor “world as text” in the philosophy of hermeticism are discussed in the article. In hermetic system of philosophy, the nature of the word is seen as meaningful, active, creative. The world is not only created by the Word, but can also be “read” as a text in which the highest truth is revealed. An analysis of the texts of the hermetic corpus allows us to distinguish the world-creating, epistemological and magical function of the Word. The conclusion is drawn about the influence of the ideas of hermetic system of philosophy on Christian culture, in particular, on the formation of the concept of “two books” and the symbolic interpretation of nature.

Keywords: philosophy of hermeticism, Hermes, text, word, world as a text, symbol.

Текстуальная картина мира — это не изобретение XX в., формирование ее происходило гораздо раньше. Истоки представлений, когда вся вселенная рассматривается как текст, а Слово предшествует бытию, мы находим как в христианской средневековой культуре, так и в древних религиозно-окультиных учениях — каббалистическом учении и в философии герметизма. Объектом нашего исследования является текстуальная картина мира в философии герметизма.

Под герметизмом понимается совокупность древних мистических учений, существующих с III в. до н. э. по II–III вв. н. э., которые включали в себя египетские, еврейские, греческие мифо-религиозные идеи. Они были переосмыслены и объединены в античной культуре в собрание теософско-окультиных текстов, оформленных в виде диалогов. Исследователи говорят о том, что проблема происхождения герметической философии до сих пор не решена [2, с. 258], а доктрина герметизма имеет синкретический характер, так как в ней совмещается мистически-эзотерическое и философско-религиозное осмысление мира. Объединяющим моментом стала принципиальная закрытость учения, которое базировалось

на идее признания скрытой, непознаваемой сущности вещей и было доступным лишь посвященным.

Довольно продолжительное время считалось, что свои истоки герметизм находит в культуре и религии Древнего Египта. Швейцарский лингвист Исаак де Казобон в 1614 г. проанализировал языковую составляющую герметических текстов и усомнился в их египетском происхождении. Он считал, что герметизм не самостоятельное явление культуры и напрямую связан с христианским вероучением, а ряд текстов герметического корпуса фактически был написан не ранее эпохи Средневековья. В работах Р. Райценштайна и Дж. Р. С. Мида была опровергнута христианская позиция Казобона и вновь отстаивалась точка зрения египетского происхождения герметизма [3].

Отечественный исследователь Ф. Ф. Зелинский выдвинул теорию греческого происхождения герметизма, указывая на его Аркадские корни и утверждая, что египтянами герметизм был заимствован, а его истоки лежат в народной религии эллинов [4]. Наконец, в полномасштабном исследовании А.-Ж. Фетюжера были сделаны выводы о неоднородном и эклектичном характере герметизма: «Впоследствии возникло предположение, что или в трактаты были внесены намеренные изменения (для христианизации герметизма или по другой причине), или традиция в герметизме не развивалась однолинейно: возможно, было несколько авторов, которые понимали основы герметизма различно» (цит. по: [3, с. 9]).

Несмотря на разные подходы к происхождению герметической философии, большинство исследователей единодушны в оценке ее огромного влияния на интеллектуальную культуру эпохи Возрождения, а затем и Нового времени. В 1463 г. Марсилио Фичино перевел часть текстов герметического корпуса, в частности трактат «Поймандр». Онтологические и гносеологические идеи, заключенные в данных сочинениях, были восприняты европейскими интеллектуалами как фундамент западной философии: «В период византийского и западного возрождения на корпус герметических сочинений сразу же обратили внимание, рассматривая Гермеса в качестве древнейшего “пророка” и основателя всей философской традиции, учителя и вдохновителя Орфея, Пифагора и Платона» [2, с. 258]. Ф. Йейтс говорит о том, что герметизм был ядром Возрождения [5, с. 22–23], именно в эту эпоху возникает дискуссия о месте герметизма в истории западноевропейской культуры.

Само понятие «герметизм» было введено античными греками и происходит от двух, сопряженных друг с другом имен — олимпийского Гермеса, бога торговли, покровителя путников, посредника между богами и людьми, и Гермеса Трисмегиста (Трижды Величайшего), полумифического ученого и пророка, обладающего тайным знанием. Т. Г. Лешкевич объединяет эти два имени в один образ: «Имеется предположение о том, что на самом деле мог существовать выдающийся ученый и мудрец, послуживший прообразом Гермеса. Однако наиболее вероятно, что образ Гермеса есть персонификация многих поколений мудрецов» [6, с. 46]. Гермесу приписывают дарование людям знаний, открытие большинства наук и искусств — от математики до ораторского искусства, он покровительствовал мудрецам и искаателям истины.

Этимология имени Гермес имеет еще одну версию — имя восходит к греческому слову «герма», которое можно перевести как «каменный столб» или «груда камней». Подобными скоплениями камней обозначались места захоронений, одновременно они служили путевыми указателями и имели семантику границ, ворот, охранителей дорог. Гермесу как раз приписывалась функция проводника, которая раскрывалась в двух аспектах: как путеводителя душ умерших в царство мертвых и как посредника между богами и людьми, вестника, толкователя смысла божественных посланий.

Нас интересует прежде всего функция Гермеса, связанная с вестничеством. Согласно античным мифам, Гермес — толкователь воли богов, он обладает тайным знанием и умением разьяснять символы. Гермес передавал людям волю Зевса и его окружения. Кроме того, он доводил до сознания богов (т. е. делал понятным) жалобы и просьбы людей. Считается, что от имени этого мифологического «переводчика» происходит наименование такой науки, как герменевтика, дисциплины, предметом которой является толкование и понимание скрытого смысла текста, а в дальнейшем, в герменевтике XX в., предмет расширяется до понимания бытия в целом и самоосмысления субъекта.

Одной из важнейших функций Гермеса была функция хранителя и толкователя тайных знаний, вестника и разносчика информации между богами и людьми. Именно Гермес научил людей умению читать знаки, расшифровывать тайные символы. То есть он в совершенстве владел Словом.

Слово в учении герметизма выполняет несколько функций:

1. *Миротворящая функция.* Слову придавалось божественное значение. В трактатах, приписываемых Гермесу Трисмегисту, неоднократно упоминается идея сотворения мира Словом: «Творец сотворил весь этот мир, не руками, но Словом» [7, с. 27]. То есть природа Слова рассматривается как плодотворная и творческая. Благодаря слову мы живем в духовном мире вселенского света: «Святое слово спустилось из света и покрыло природу...» [7, с. 11].

Эта идея Гермеса Трисмегиста легла в основу герметической картины мира, основным принципом которой является принцип ментальности, который гласит: «Все есть мысль». Вся созданная живая природа и вещная реальность, воспринимаемая нашими органами чувств, есть дух, непознаваемый и неопределяемый, это порождение высшего разума. Материальная вселенная есть, по сути, мысленная вселенная. А так как мысль выражается Словом, то отсюда следует, что «все есть Слово». В «Поймандре» идея соотношения Бога и Слова выражена следующим образом: «Это я, Ум, твой Бог, который предшествует влажной Природе, вышедшей из мрака. Исходящее же из Ума лучезарное Слово — это сын Божий» [7, с. 11]. Таким образом, в герметизме считается, что в Слове в скрытом, непроявленном виде содержится формула творения мира. Например, Гермес так объясняет происхождение природных стихий:

«— Из чего возникли стихии Природы? — спросил я.

— Из Воли Божией, — ответил он, — Который взял из нее Слово и, видя в нем стройность и красоту, создал мир по его подобию, со стихиями, извлеченными из него самого и с его собственными плодами — душами» [7, с. 12].

Таким образом, Слово есть божественный инструмент, творящий мир.

2. *Гносеологическая функция.* Познание Слова, тайных знаков приравнивается к познанию мира и Бога. Высший ум вещает своему собеседнику, что истина открывается только понимающим Слово: «Ибо рассудок не достигает Истины (Менар: слово достигает Истины; ум...), но ум велик и может, когда ему указывают дорогу, достигнуть Истины. Когда он размышляет о всех вещах, находя согласие между действительностью и тем, что выражено в речи, он верит и отдыхает в этой блаженной вере. Те, кто с Божией помощью понимают эти слова, исходящие от Бога, имеют веру, те же, кто не понимают, безбожны» [7, с. 47].

В основе герметического учения лежит идея об умении понимать, интерпретировать обращенное к избранным божественное Слово. Одной из тайных истин является имя Бога. Если познать его, то можно познать все тайны мира, найти ключ к тайнам мироздания. Но это является скорее гносеологическим идеалом, чем реальной целью смертного человека.

Тем не менее избранным открывается возможность познать мир, сущность всех вещей, определить свое место в жизни, но только через понимание божественного Слова. Понять Слово — значит познать истину.

3. *Магическая функция.* Владение Словом приравнивает человека к Богу, ему подвластны стихии природы и собственная судьба. «Все люди испытывают то, что им предначертано Судьбой. Но те, кто владеет Словом, как мы уже говорили, ведомы умом, неприступны для зла и не страдают от него — это удел прочих» [7, с. 67]. «Ведь у греков, о царь, есть только пустые изречения (Менар: новые формы изречений) для достижения убедительности, а в действительности вся их философия только пустой звон слов. Что касается нас, мы употребляем не простые слова, но звуки, преисполненные действия (магического)» [7, с. 86].

Так как Слово имеет власть над людьми, природой, стихиями, то человек, который им владеет, подобен Богу: «Таково конечное Благо тех, кто владеет Знанием — стать Богом» [7, с. 17]. Посредством Слова он может определить себе лучшую судьбу и жить в гармонии с миром. Слово приравнивается к действию, оно обладает магической силой. «Призыв “Внимай голосу моему...” указывает на то, что наиболее сильным воздействием в герметизме наделялись слова. Звук путем резонансных вибраций отражался на тонком ментальном плане. Отсюда и сохранившееся изречение: “Слово сильнее оружия”» [8, с. 167]. Недаром считается, что если уничтожить имя из памяти, то можно уничтожить самого человека. А значит, Словом можно не только творить, но и разрушать.

В итоге Слово первичнее и выше реальности. Чтобы познать мир, нужно не изучать реальность, ибо она материальна, а следовательно, несовершенна, но искать истину в словах, книгах, тайных учениях, зафиксированных в текстах.

Именно эти идеи философии герметизма нашли отражение в символической культуре Средних веков и эпохи Возрождения. В частности, они отразилось в концепции «двух книг»: Бог создал как Священное Писание — книгу божественного откровения, так и другую книгу — книгу природы, где любое тварное создание или вещь являются,

по сути, буквой или словом. Средневековый теолог Раймунд де Сибунде впервые в истории христианства обосновал эту идею в труде «Естественная теология»: «В прологе своего труда Раймунд сначала дает (опять, видимо, впервые в истории) классическую формулировку концепции “двух книг”: “...есть две книги, данные Богом, а именно книга сотворенной вселенной, или книга природы, и другая книга Священного Писания”, а затем начинает сравнивать их. Во-первых, он указывает на то, что книга природы дана человеку в сам момент творения мира, тогда как Св. Писание дано уже после грехопадения; во-вторых, книга природы доступна каждому, тогда как Писание могут прочесть не все, а только священнослужители. И, наконец, в-третьих, и это сейчас для нас наиболее важно: если Библия может быть фальсифицирована, исправлена или неправильно истолкована, что часто приводило к различным ересям, то книгу природы нельзя ни фальсифицировать, ни ложно истолковать, так как для ее понимания используются непоколебимые доводы, основанные на самых очевидных для человека вещах, а именно на опыте и на природе самого человека. Очевидно, что испанский магистр теологии хорошо знал про сложность истолкования Св. Писания и про многозначность библейского текста, и его явно подкупала ясность и истинность книги природы и простота (как он считал) ее чтения» [9, с. 12].

Мир каждым своим явлением говорит людям не столько о самом себе, сколько о Творце, о том, кто это мир сотворил. Прочитать эту книгу может любой истинно верующий человек, вне зависимости от национальности и социального статуса. Образ мира как текста получил широкое распространение в христианской культуре, где основополагающим принципом познания становится не рационально-буквальное, а символически-духовное толкование природы. В слове, имени вещи проявляется ноуменальная сущность, более истинная, чем ее феноменальное бытие: «Таким образом, с точки зрения средневековой культуры имя — это не условный ярлычок, прикрепленный к предмету, но главным образом продукт синергии познающего субъекта и познаваемой вещи, “объединенных” в Боге. Имя более достоверно и стабильно, чем сам предмет. Ведь если вещь познается с помощью чувств в своей акциденциальной текучести и телесной “преходящести”, то в слове мы прикасаемся к ее умопостигаемой основе, вечно и неизменно сохраняющей-ся в Божественном Слове» [10, с. 14].

Толкование мира как текста позволяет познать замысел и волю Творца, придать смысл сотворенному и прояснить значение собственного бытия, личной связи с божественным Логосом.

1. Максапетян А. Г. Язык и метафизика. Ереван : Ноян Тапан, 2002. 299 с.

2. Афонасин Е. В. Герметизм и «Халдейские оракулы» (Библиографический обзор) // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Т. 1, вып. 2. С. 258–275.

3. Двинянинов Б. К. Основные этапы развития исследований высшего герметизма // Aliter. Научно-теоретический журнал. 2014. № 4. С. 3–11.

4. Зелинский Ф. Ф. Страсбургская Космогония // Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / пер. И. Богуцкого. М. : Новый Акрополь, 2012. С. 465–487.

5. Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 397 с.

6. Лешкевич Т. Г. Философия. Вводный курс. 2-е изд., доп. М. : Контур, 1998. 464 с.

7. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / пер. И. Богуцкого. М. : Новый Акрополь, 2012. 632 с.

8. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации : учеб. пос. для вузов. М. : ПРИОР, 2001. 428 с.

9. Серебряков Н. С. Герменевтическое значение концепции «двух книг» // XXVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. гуманит. ун-та, 2017. С. 10–15.

10. Карабыков А. В. Текст как мир и мир как текст (к вопросу о сущности символической герменевтики в европейской культуре Средних веков) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2 (14). С. 12–20.

© Зенец Н. Г., Кордас О. М., 2019

УДК 101.2

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-23-25

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Статья посвящена специфике понимания текста и его прочтения в постмодернистской философии, творческим исследовательским возможностям деконструкции как одного из основных понятий постмодернизма, соотношению импровизации и деконструкции на примере анализа художественного текста, особенностям преподавания деконструкции как исследовательской методологической практики на основе своеобразной «строительной» технологии разбора-слома текста как единого целого.

Ключевые слова: автор, текст, «смерть автора», смысл, читатель, интерпретация, деконструкция.

Ролан Барт, введя категоричную формулу «смерть автора», разработал стратегию работы с текстом как соучастие или соавторство, когда творец не совсем автор, разве что шаман и медиатор, передающий информацию с разной степенью мастерства [1, с. 384]. «Покончить» с автором означало для Барта вернуть ценность тексту как таковому, не сводимому и не подчиненному «вкусам и страсти» личности автора. Текст создается языком, который действует непреднамеренно и нечаянно, обнаруживая «суть литературы в слове» [1, с. 385], и сводит автора к обезличивающему субъекту: «...автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как “я” всего лишь тот, кто говорит “я”» [1, с. 386]. Автор как личность и творец вынашивает произведение, «предшествует ему как отец сыну», но тем самым отстает от текста, не поспекает за «сыном», уходящим вперед. Автор-творец (творческая личность) тщится узаконить и законсервировать однажды найденные языковые формы смыслов. Драма автора — вдруг обнаружить, что текст живет вполне самостоятельной и непредсказуемой жизнью, открываясь многомерным пространством, в котором спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1, с. 387]. Текст порожден

DECONSTRUCTION AS A RESEARCH METHODOLOGY FOR UNDERSTANDING THE TEXT

The article is devoted to the specifics of understanding the text and its interpreting in postmodern philosophy, creative research opportunities of deconstruction as one of the main concepts of postmodernism. It considers the correlation between improvisation and deconstruction on the example of the analysis of a literary text and the special aspects of teaching deconstruction as a research methodological practice on the basis of “construction” technology of parsing and breaking the text as a whole.

Keywords: author, text, “death of the author”, meaning, reader, interpretation, deconstruction.

не настроениями и опытом автора, а тем, что написавший текст автор (скриптор) является субъектом необъятного словаря, из которого «он черпает свое письмо, не знающее остановки» [1, с. 388].

Но сколь многолик и бездонен язык, творящий жизнь через текст, столь безграничен в своих возможных значениях без всякого притязания на окончательную расшифровку текст. Если автор со своими переживаниями доминирует в тексте и нам для понимания текста надо почему-то знать его мотивы написания той или иной книги и его биографию, то текст такого автора должен быть окончательно расшифрован-объяснен специальным человеком, берущим на себя подобную миссию — художественным критиком. Текст же без автора или текст, само наличие которого свидетельствует о «смерти автора», есть поле сосуществования «разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель» [1, с. 389]. Читатель перед текстом и во взаимодействии с текстом — это субъект или некто без истории и биографии, который может благодаря этому двигаться в самых